

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

ПАЛОЧКА ПОД ЕЛОЧКОЙ

Здравствуй, бабушка Мороз, сорвала из ваты! Ты подарки нам принес, педераст горбатый? С праздником, братан! Раскрой свои похмельные селыма и глянь, как серым новогодним утром твой народ бредет за ливом! Это единственный строй, братан, в который мы можем встать.

Ирина ПОНАРОВСКАЯ

— Как бы относиться к элопово? — Ну как можно к этому относиться? У меня уже выработался какой-никакой иммунитет, и теперь я могу позволить себе сказать: а имела я всех в виду! Тех, что паскудством занимаются, я подразумеваю.

РОBERT РОЖДЕСТВЕНСКИЙ:

— Раньше любил "Взгляд", но когда ведущие рассыпались по своим командам, интерес заметно поугас. Это касается и "Темы", и "Красного квадрата", и "Политбюро". Поэтому только отдельные выпуски бывают любопытны, а порой видно, как тянут передачу.

ЗАВОДНОЙ... ДЕЛЬТАПЛАН

Один мой коллега Леонтьева иначе, как голубым дельтапланом, не именует. О дельтаплане у Валерия была песня, выражаясь высокопарно, на заре его артистической карьеры: что-то там про два крыла, как у птицы, помните? Этаким образом летающего по сцене и жизни. Ну а голубые ассоциации приятелю навеяло даже не манеры и стиль поведения певца, а, видите ли, неизменные леонтьевские штанишки в обтяжку "а ля балерун", подчеркивающие мужские достоинства.

Вы понимаете, это аргумент на уровне "нравится-не нравится". Мало ли кто какой фасон брюк предпочитает? И потом: если есть, что подчеркивать, почему бы не сделать этого? Одни мышцой играют, другие интеллектом блещут, третьи трико носят. Не запрещено.

Словом, намеки на "голубизну" не убеждают, а больше смахивают на придирки. Тогда почему я завел об этом речь? Иллюстрация тезиса: хотя судачили и судачат о Леонтьеве немало, дальше слухов дело, как правило, не идет. Поразительный случай: Валерий два десятка лет на первых ролях в эстрадной тусовке, а скандальной славы не нашёл, и "лапти сплести" ему никто не сумел.

Повышенный иммунитет, чувство самосохранения? Чем не тема для разговора?

НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ

— Валерий, вы словно обет молчания дали: что-то давненько ваши интервью на глаза не попадались.

— Да сколько же можно мелькать? За годы, которые я существую на поверхности, я ответил на такое количество вопросов, что иногда кажется, будто меня вытоптали до основания. Крут тем, интерес практический не размыкается, не считая же как-то истории, чтобы поддерживать внимание к своей персоне? Хотя я знаю, что многие мои коллеги в это время специально придумывают байки для журналистов. И мне недавно позвонили из одной популярной телерадиостанции и спросили: нет ли у меня какого-нибудь скандала?

— И вы ответили...

— Что обратились не по адресу. Мне все это уже не нужно, и я так прожился. Хотя, конечно, понимаю, что громкий скандал — способ весьма действенный, это двигатель рекламы, катализатор интереса, но уж больно мне поодиночке не нравится. Поэтому и старался не допускать никаких шумных разборок с моим именем, не говоря о том, чтобы сознательно их создавать.

— Но быть не все в вашей власти. Сплетни, слухи имеют обыкновение появляться на свет, не спрашивая согласия того, о ком их распускают.

— Верно. И с этим я уже смирился как с неизбежным злом, с неизменной атрибутикой звезды. Хорошо бы я был, если бы обо мне злодейски сплетни развлекали публику. Что ж... У меня хватает ума относиться к этому иронически. И не собираюсь тратить нервную энергию, чтобы опровергать, вступать в споры. Хай кажут, как говорят на Украине.

— Однако, вероятно, бывают ситуации, когда и худбыт охрону не спасает?

— Да, и, к сожалению, предел дозволенного переступают все большее число журналистов, печатных изданий — в погоне за дешевой, дутой сенсацией. Это, безусловно, огорчает, выбивает из колеи, но я успел убедиться, что вступаю в тяжбу и выяснение отношений себе дороже. И потом на фига мне это надо, если завтра у меня запись в студии, послезавтра — съемки на телевидении, а через два дня — гастроль? Я сорвусь и сам себя подставлю. В итоге газеты распишут, что Леонтьев сдал.

— Чтобы закончить с "масс медиа", дайте по телевидению прождемся. Мне казалось или действительно бы реже стали появляться на экране?

— В новгородских программах я задействован — это святое. Недавно выпустил часовой "Парадиз-коктель". А так... В ноябре 91-го я записал в "Россию" сольный концерт, в "Останкино" же тринадцатый концерт не могли найти времени, чтобы дать мне монтажные аппараты. Недавно, правда, предложили доработать передачу и дать в эфир, но теперь уже я отказался. Мне это стало неинтересно, за год я изменился. Делать устаревшую программу... Песня — жанр скоропортящийся.

— А может, надо было давненько-давненько взятьку нужному человеку, и процесс, как говорится, пошел бы?

— Не хочу выглядеть лицемером и утверждать, что никогда не слышал о взятках на телевидении, но и обсуждать эту тему перед включенным диктофоном не берусь. Скажу лишь — уж не знаю, поверили ли не давал, я взятку за участие в съемках никогда не давал, и с меня в открытой форме их никто не требовал. Я не стану утверждать, что поступал правильно, не буду читать мораль, что взятки — большой грех, просто я откровенно отвечаю на ваш прямой вопрос: в своей жизни я взятку не брал и не давал.

— В общем-то, много ответа и и не жал. Было бы странно, если бы вы сказали что-то другое. И я бы, наверное, ни при каких раскладах не признался.

ВАЛЮТНАЯ ХАЛТУРКА

— Гастролитьвать предпочитаете только на Западе?

— И там тоже. Выступал перед эмигрантами, русскоязычной аудиторией. В Израиле был дважды: ездил в Канаду, четыре раза — в США. Также гастролить обычно продолжают месяц.

— По ресторанам поете?

— Нет, в ресторанах я работаю очень мало. Как правило, на площадках от тысячи до трех тысяч мест. А в ресторанах я пел только в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, но это были скорее концерты, а вечеринки в кругу старых знакомых. В Израиле же вообще выступал на больших стадионах. Там ведь каждый пятый бывший

советский... В апреле я еще раз поеду в Израиль, мне очень понравилось там работать. Израильская эмиграция другая, чем, например, в Штатах, более живая, отзывчивая, готовая к контакту. В Америке петь труднее, там зрители какие-то разобщенные, их тяжело завести.

Кстати, в этих зарубежных гастролех я смог сформулировать для себя основную черту русскоязычной публики: ее надо только убеждать, что ты тот самый Леонтьев, что ты хороший. Несколько песен к тебе присматриваются, боясь, что им подсушили гнилой продукт. А уж когда пощупают, начинают реагировать на происходящее. Со всеми другими зрительями этого не происходит, я пел во Франции, Германии, Индии, и нигде не ждали от меня подвоха, сразу включались в концерт. Но это уж, видно, психология наша такая, с детства приучили всегда быть начеку.

— Вопрос к вам как к опытному гастрольному ботцу: почему наши артисты то тут, то там месяцами безвылазно сидят за кордоном, но рано или поздно все же возвращаются на грешную российскую землю? Уж и оставались бы, где тепло и хорошо. Неужели вся причина в невозможности продержаться на тамошней пол-рынке, на котором наши отбегены только места в ресторанах?

— Могу говорить лишь о себе. Я ослеп бы, скажем, в Штатах... если прихватить с собой миллионы десят тысяч зрителей.

— А зачем вам такая аудитория, если считанные тысячи, приходящие на ваши концерты в Америке, могут обеспечить вам безбедную жизнь?

— Вы касаетесь сугубо личных тем... Я вскрываю этой средой, я родился, вырос здесь. Меня узнали и полюбили в этой стране, тут прошли мои самые трудные годы...

— Да-да, Валерий! Извините, что перебиваю. Мне не хотелось бы подозревать вас в неискренности, но сказанное вами... После таких слов всегда остается ощущение, что человек неговоривает самое важное. Ну, вскрывали, ну, взлелеяли... И что? Замучили ностальгией, съездили в самолет и прилетели из Нью-Йорка в родную Республику Коми.

— Хорошо. Я называю вам еще одну причину. Я очень неплохо знаю русскоязычную среду на Западе, достаточно пообщавшись с нашей эмиграцией. Я не хотел бы там жить. Туда уехали не лучшие люди. Не самые талантливые, не самые умные, не самые чистые... Я не желаю оказаться среди них.

— А выступления перед ними, значит, ваше достоинство не забываете?

— Выйти на сцену — это одно, жить вместе — совсем другое. Повторяю: я не хочу сопереживать с их миром.

— То есть нашу аудиторию вы считаете более... приличной? Какой тут злител уместен?

— Больше эмоциональной и человеческой. Живя в США, разучился думать о душе, заботиться о ближнем. И мы не ангелы, но до такого еще не дошли. Там все мысли о страховке, налогах, недельном заработке, если и вспоминают о семье, так из зависти — тетя Бася купила новую шубу...

— Поэтому на Западе есть смысл ехать только для завоевания популярности у местной публики, сразу порвав с русскоязычной диаспорой. Мне этим занимается уже поздно.

— Выходит, все эти ваши гастролы — обычная валютная халтурка?

— Да-я и не спорю, халтурка. Я ведь одеваюсь в Америке, покупаю там аппаратуру.

— Одно время, помню, вы сами шли себе сценческие костюмы.

— Делал это. Потом у меня были модельеры, художники. До той поры, пока я не получил возможность ездить на Запад, заходить в магазины, выбирать понравившееся мне и через два часа быть упакованным на сезон. За последние четыре года я не купил дома ни одной вещи. Естественно, ничего себе не шил.

— Но ваша одежда не напоминает ширпотреб. Даже американский.

— А это и не есть ширпотреб. Я одеваюсь в артистических шопках. Там четкое деление — для харды, для рока, для попсы. Есть магазины очень дорогие, есть подешевле. Выбираешь соответственно своим средствам.

— Вы по какому классу берете? Что по дороге?

— Вам нравится мой наряд? Возможность нормально одеваться — это очень много. Из пос-

ледней поездки, скажем, я привез костюмы на год гастролей. Я могу теперь не думать об этом, а заниматься творчеством.

"В ПРЕЖНЕЙ ЖИЗНИ Я БЫЛ ПАГАНИНИ"

— Создается впечатление, что вы постоянно недобольны собой...

— Конечно! Что же мне, как идютой, лежать на лужавке и тащиться с собой?

— Я продолжу. Эта неудовлетворенность словно гонит вас со сцены, вам на ней тесно. То вы за постановку "Джордано" беретесь, то в кино бросаетесь...

— Да, я стремлюсь расширить свой диапазон, пытаюсь понять собственное "я". Нормальное состояние для творческой личности, к которому я все же смею себя отнести.

Меня это шараханье не пугает. На каком-то этапе мне надоело просто петь, захотелось действия, театра, так появился "Джордано". Кино — совершенно иной мир, и это было интересно попробовать. Поэтому в то время, когда в стране разразилось кооперативное движение и десятки моих коллег поехали зарабатывать себе "Мерседесы", я засел за репетиции. Для меня это было тогда важнее. Все прошлое лето я провела на съемочной площадке картины "Экстрасенс", где сыграл роль злодея, врага рода человеческого. Кино меня очень увлекло. Теперь мне даже кажется, что вся эта эстрада — буря в стакане воды по сравнению с искусством кинематографа. Во всяком случае, роль посланца черных сил я старался сыграть с душой.

— А вообще вы берете в мистику?

— Я склонен об этом думать. Если бы была возможность, прикоснулся бы плотнее к магии, и к колдовству. Увы, нет времени. По крайней мере, я не намерен все это оглулять орать.

— У вас есть основания так говорить?

— Да, личные. Ну и мировой опыт подтверждает. Скажем, сколько веков велось разговоры о вампирах, существование которых опровергала официальная наука. А сейчас в Канаде основан институт вампирологии, обнаружено заболевание. Суть его в том, что кровь больных недостаточна снабжается кислородом, и восполнить эту потерю можно только с помощью живой человеческой крови. Сорок канадских вампиров находятся под наблюдением, им регулярно дают теплую человеческую кровь, чтобы они не кусались и не бросались на людей. С оглядкой на это можно вести речь о реальности черной и белой магии...

— Любопытный взгляд. Но вы обмолвились о личных обстоятельствах.

— Это длинная история. Дает несколько историй. Рассказ об этом требует соответствующего душевного расположения.

— Вы вынуждаете меня проявлять настойчивость.

— Приключилось однажды со мной такое, что заставило задуматься и о прошедших жизнях, и о будущих ипостасях человеческой души. Моей души.

Просто я сталкивался с индусами, которые профессионально занимаются, скажем так, разборками, кто кем был до того. Я очутился в обществе одной индустриальной, где человек буквально вытаскивал из меня под гипнозом информацию. Что-то из прошлого, какие-то воспоминания детства... Я не знаю, что являлось моей фантазией, что же, но в тот день я поверил, что живу на этом свете не впервые.

— И кем вы были в прошлой жизни?

— Слишком рискованно мне это имя называть... Могу поднять на смех... Ну хорошо... Николо Паганини. Все, здесь точно, и я так много сказал.

— Я знаю, что киевский режиссер Мащенко хотел снимать вас в роли Иисуса Христа.

— Да, но потом картина по каким-то причинам не состоялась.

— Тем не менее кинопробы вы прошли?

— И мне казалось, вполне успешно. А потом я стал мучительно размышлять, что если сыграю эту роль, то уже никогда не смогу подняться на сцену и запеть, этот образ будет преследовать меня до последних дней. Стать для миллионов верующих живым олицетворением Христа...

— Очевидно, за такую роль должен братья глубоко верующий человек?

— Верующий в дедушку, сидящего на облаках? У меня совсем другая вера, я не думаю, что она слабее или увереннее. Просто я верю в некий единый свод законов, который мы не знаем и не познаем никогда, но который управляет симбиозом всего живого и неживого.

— Вы крестный?

— Когда мне было семь лет, мать сказала: "Завтра едем тебя крестить". Едем, значит, едем.

— А как же интерес к магии? Это ведь язычество. И колдун Юрий Тарасов называл вас среди своих знакомых.

— Мы иногда встречаемся на тусовках... А

интерес к магии... Меня многое занимает. Например, существование параллельных миров, жизнь вне Земли.

— Собственные способности в магии не пробовали?

— Тут ведь нужен опытный человек, наставник. Не оуду же я просто тарачиться на собеседника и пытаться что-то ему вдолбить. В детстве я баловался телекинезом, пытался взглядом передвигать игрушки, вещи. Иногда мне казалось, что у меня получается: когда мои племянники строили пирамиды из кубиков, а я сидел в углу, смотрел и разрушал.

— Может, я выдал желаемое за действительное.

ПИТЬ ИЛИ ПЕТЬ?

— Почему вы сторонитесь коллег, общаетесь от тусовки?

— Предпочитаю работать один, создавать свою эмоциональную атмосферу, диктовать свои условия и правила игры с залом.

— Но такая независимость, наверное, дорогого стоит? У нас ведь жить как не любя, так и вылететь. Отстраняться от массы, вы тем самым ставите себя над ней.

— Понимаете, я ведь это делаю не для того, чтобы оказаться над или вне. Просто внутри мне не место. А уж как на это станут реагировать... Отношения стараюсь поддерживать ровные, в рамках приличия. Если кого-то люблю, говорю об этом открыто. Если не люблю, стараюсь промолчать. Люблю немногих, но сильно.

— Банкеты, приемы, презентации, надо полагать, не для вас?

— Мимо.

— Так было всегда или стало?

— Стало. Собственно, я и сегодня могу спеть на юбилей какой-нибудь фирмы или банка, но только спеть. Мне деньги платят за выступление, а не за то, чтобы я потом еще и за столом развлекал.

Кроме всего прочего, я с некоторыми пор спиртного не пью. Давненько уже.

— Вы сами подталкиваете меня к вопросу: раз не пьете сейчас, значит, прежде убавили это дело?

— Убавжал, и еще как! Я очень сильно пил и в конце концов свою бочку вылил.

— На сколько литр бочонок?

— Какой бочонок? Цистерна! Закладывал по-страшному и в результате оказался перед выбором: пить или пить. Решил, что пить предпочтительнее, перспективнее и интереснее.

— Выпалка — обязательный атрибут профессии артиста?

— К сожалению. Алкоголь — самый простой способ снять усталость, которая преследует тебя постоянно. Многие пьют, начинают, чтобы сбросить стрессовую нагрузку. Потом невозможность остановиться.

— Вы зачислялись?

— Нет. Увлечен воли переборол себя. Мне всегда казалось оскорбительным, что я должен идти и подставлять кому-то свою задницу, куда мне что-то зашивать. Я всегда считал, что в состоянии справиться с самим собой.

Несколько лет просто в рот не беру. Хотя, вру, летом уговорили рюмочку выпить. Но не более того.

— А наркотики?

— И через это прошел. Травка, какие-то вещи морфинного ряда... Любопытно было. Попробовал и завязал. С травкой у меня вообще не сложилось, только бросил и больше ничего. На игле никогда не сидел, ума хватало.

— Колотся и пить бросили одновременно?

— Да, это все развивалось параллельно. Лет пять назад. Но наркотики были все же эпизодом, мне просто хотелось испытать и это в жизни. До серьезного не доходило.

— Сейчас вы говорите об этом достаточно легко, но пять лет назад, наверное, не одно любительство толкало вас на такие шаги?

— Очевидно. Тогда у меня действительно было большое проблем, больше тяжести моральной. Безусловно, подобные вещи случайно не происходят. Когда у человека все хорошо, его ни к стахану, ни к игде не тянет.

— Сегодня с бытом разобрались?

— Относительно. До недавнего времени я очень остро испытывал недостаток жилья. Теперь квартира у меня есть и в центре, но по-прежнему убогая, не та, куда я мог бы пригласить коллег, друзей.

— Зато, говорят, у вас дача хороша.

— Да, я построил себе дом в Подмосковье. Минут сорок езды от центра города на машине.

— На какой машине?

— На "БМВ".

— За рулем вы сами?

— Конечно. У меня нет ни водителя, ни телохранителя. Я не занимаюсь этими дешевыми играми. Кроме всего прочего, телохранитель — это как правило наводка. Я уже пробовал. Только дополнительные нервозности, неприятности. И потом мне всегда смешно наблюдать, как у чьей-нибудь гримерки сидят четыре амбала, а туда за целый вечер никто и не пытается зайти.

ТО САМО ЭТО

— Вы живете один?

— Как вам сказать? Не состою в официальном браке, так точнее. Или вас удивляет тот факт, что у меня есть женщина?

— Валерий, для вас же не секрет: народная молва давно связала ваше имя с гомосексуалами.

— Знаю, слышал. И считаю, что эти слухи распускают те, кто ищет во мне сексуального партнера. Это опять из серии "Хай кажу..."

— Вам виднее, но уж больно настойчиво "кажут".

— Наверное, ни у нас, ни на Западе нет эстрадной или кинозвезды, которую рано или поздно не связывали бы с проблемой "голубых". И это естественно. Раньше о творческих планах говорили, а теперь всем под чужое одеяло заглядывать хочется.

— Валерий, для вас же не секрет: народная молва давно связала ваше имя с гомосексуалами. Меня вполне устроит ответ об отношении к бисексуалам.

— Скажу, что бисексуал может быть богаче гетеросексуала или "голубого". Он больше испытал, за счет эротической направленности в разные стороны он сложнее и интереснее как партнер. Но в стране, где существует уголовная статья, запрещающая "ненормальные" половые отношения, слово "бисексуал" становится ругательным.

— И все же задам любовной вопрос: вы ЭТО пробовали?

— Да.

— И вам ЭТО понравилось?

— Я не хотел бы, чтобы вы об этом писали. Я могу ответить лично вам при выключенном диктофоне. (Я послушно нажимаю кнопку "Стоп" и не отпускаю ее до команды Валерия. — А.В.) Пусть об этом сплетничают, меня это устраивает. Исповедоваться же на страницах газет я не собираюсь.

— Валерий, вы ведь, кажется, были прежде женаты?

— Это оказалось не самый приятный опыт. Там было много всяких осложнений — и в отношениях, и беременность, которая плохо кончилась... Не хочется вспоминать.

— Однако семья, дети — это вам нужно?

— Здесь я как раз не уверен. Не уверен, что когда-нибудь это мне понадобится.

— Тогда ради чего вы живете?

— Ради себя.

— Детей вы не любите?

— Чужих люблю. Вообще этот вопрос весьма спорный и ответ гниа "Я останусь в своих детях" представляется мне очень сомнительным. Сколько угодно примеров, сколько ничего в них не остается. Отношения родителей и детей довольно часто тяжелы и напоминают отношения вражеских армий. Зачем мне это?

— Я просто обязан задать вопрос: пободные выборы вы сделали на основании личных впечатлений, ваших отношений с родственниками?

— Из своей семьи я вынес ощущение, что чем дальше мы живем друг от друга, тем меньше между нами взаимопонимания. А живем мы далеко... У меня две сестры, но они гораздо старше меня, может, поэтому между нами нет такой теплой, родственной дружбы. Не было у меня особой близости и с родителями. Когда я родился, матери исполнилось уже сорок три. Поэтому я могу сказать, что не знаю атмосферы настоящей семьи. К тому же у отца была такая профессия, что я видел его назидания, раз в восемь месяцев. Так продолжалось до самой его смерти.

Семья не является для меня неприкосновенным общественным институтом, на который нужно молиться.

— Чем больше вы говорите, тем очевиднее, что вы вопреки всем вашим утверждениям очень одинокий человек.

— Думаю, что это удел любого художника. Душа просыпается в одиночестве. А искусство — это движение души. Одиночество — это не любовь, но естественное мое состояние.

— Кто бы по Зордэку?

— Рыбы. Со всем вытекающим отсюда набором.

— На будущее загадываете?

— Планирую. Скажем, к весне я хочу подогнать новое шоу, из которого выброшу все старые песни. К этому я сейчас иду.

— Теперь, наверное, это шоу будет сглетать сложнее, если иметь в виду, что ваша верная Люся, руководитель ансамбля, не вернулась из последних гастролей в США и осталась в Нью-Йорке. Это стало для вас неожиданностью?

— Нет, я знал. Но от этого не легче. То, что делала Люся, легло теперь на мои плечи. Хотя Люся — очень преданный человек, оставшись там, она меня не бросила.

— А чем вызвана эмиграция?

— Перед Люсей встали те вопросы, которые вы задаете мне: что ей уже за сорок, что надо думать о старости, о доме, о семье. Здесь она мыкалась по друзьям, вечно с чемоданами и собакой. А там уже и квартира, и машина, и работа.

5 января я полечу проведать Люсю. Нездельки на две три.

— Только в гости?

— Я же вам уже ответил. Моя планка быть здесь, что бы тут ни приключилось.

— А вдруг опять чрезвычайка грянет и кому-то захочется отнять вашу дачу, машину, квартиру?

— Вот когда грянет, тогда и стану решать, как быть. Зачем я буду раньше времени себе голову ломать? У меня и мысли совсем не о том. Знаете, о чем я думаю? Завтра песню запишусь, а во втором куплете одна строчка меня ломает...

— После того, о чем меня уже обвиняют, это совсем не страшно. Да, я живу ради себя, ради своей профессии, ради зрителей, ради удовольствия быть звездой.

— Андрей ВАНДЕНКО.

Компьютерный коллаж: ШУХОВ А. ПАРАДЕВ